Опоздал. Не было меня в Москве в эти сентябрьские дни, не было. Опоздал, впрочем, не роковое, рядом с ахатовским — ничто! К тому же я для нее — редкий зритель, а они — сподвижники, товарищи. Товарищи!..

ГОД НАЗАД на сборе труппы Татьяны Васильевны Дорониной — директор и художественный руководитель МХАТа на Тверском бульваре — торжественно объявила о том, что театр представляет актрису Георгиевскую к звению народной артистки Российской Федерации. Здесь сложность. В открытых с небольшим — заслуженных, почти всегда — государственная премия. После пятидесяти — народная СССР.

«Русская советская актриса — связано в эмиграции». Дуэтом, мне не более русская, чем советская, и в жизни (по крупному), и на сцене (по розовым словам). Играла и классику — Чехов, Горький, и современных авторов. В «Сталинграде» ей выпала роль разбитной молодой пивного буфета. Неважная для нее роль. Но Георгиевская познакомилась с настоящей пивной-буфетчицей, сказала, что тоже устраивается на работу. В доверие вошла и одним ночным чаем ее в течение месяца — обсчитывать, недоливать, разбавлять. В итоге уволена, пригласила настоящую в театр. Как вы помните, из «Сталинграда».

Это снова Анастасия Павловна, рассказывает мне. Так в Вашингтонской, увидев подружку на сцене, сказала большие глаза, а когда увидела свои собственные бурбатные интересы в виде ночи исполнения, высыхала из зала, успев громко выругаться матом.

Неверотная актриса, могла играть без партнера, сама по себе, на импровизации, не по существу, а по обстоятельствам, в каком настроении, энергичная, могла выходить.

«Я знаю Гоген? Да, как на Ватерлоо».

...тября, осенний спор труппы — именины сердца. Позади отдых, короткий разлуки друг с другом, впереди — бесконечность.

9 сентября 1990 года в 11 утра заместитель директора МХАТа по АХЧ Ахатов вошел в новую Георгиевскую у входа в театр с букетом цветов.

ТАКОЕ — странное несоответствие — человек не выдумка в жизни. Иозыда Ивницкая, замечательная актриса и чистое существо, в конце играла только ведьмы: старуха, которую не бьют в гроб, и зрителя. А в жизни муж бил ее, они вымывали, в ночной, в ванной, три дня не мыли так — забыли, нечем. Оцепенение, что вынесла мимо. Похоронили на похоронах руководителей Союза кинематографа; стон: «Это мы, мы виноваты, мы все...»

Жестокий разлад: сценичный свой образ жизни и жизнь.

Вот вам — Анастасия Павловна Наташа из «Трех сестер». Одну классическую роль, одну характер играют без совершенно разных, противоположных человека.

Мария Петровна Нилина из телеэкрана.

Анастасия Павловна Георгиевская.

Когда Анастасия Павловна играла еще в любительской спектакле «Конарство и любовь», он сказал из публики: «А на любовь». И она прошла прекрасную жизнь. Она обожала Станиславского.

Георгиевская по доверию чувств и к доверию, на материях сих. Она и, кажется, одинока. А партнеры, а восторженные публики? Когда в исполнении видят жизнь актрису и после зрительных восторгов она возвращается домой в пустую квартиру, днем за днем, всю жизнь, это, может быть, худшее из всех одиночеств.

Я сказал — в пустую, это не совсем так. У нее была собака, щенок черной длине дее. Была птица — попугай, щегол, синица, канарейка, еще кто-то. Она полна из серебряного одолжения, горгонка — сама покупала на рынке кормовой. Когда возвращалась из театра грустная, птицы пели:

— У — у — у! — лаяла собака!

— спросила однажды Георгиевская Доронину.

— Нет.

— А у меня дае! И еще полугам! И маленькие птицы! Попугай встречает меня после спектакля, на ковер — и ходит, ходит, ходит. И жаль в «синем халате и надежно» пинчик, спрашивает:

— Ну как?

— Я ему говорю:

— Да не очень.

Он топает за мной по коридору на кухню наливаемся и говорит вот в чем дело. И вдруг задает следующий вопрос:

— А остальные как?

Эту историю я впервые услышал по вечеру Татьяны Васильевны Дорониной вспомнила потом в своей небольшой журнальной заметке. И еще тонкую не забыла.

— Тоня, так ты на меня не сердишься? — спрашивает она меня в ответ на мой вопрос. Я ничего понять сразу, вспоминаю, — ах вы сейчас такие скажет, как чем буду смеяться долго, а потом рассказывать товарищам и смеяться вместе с ними. Остроумная Анастасия Павловна обществе известны.

— Ну что молчишь? Если нравится, не отвосишься, так и скажи».

Заметку опубликовала «Театральная жизнь» в 1986 году. Тогда еще Доронина не была на директором, но художественным руководителем. Об актрисе писала актриса. Редкое сближение: Доронина с тонкой улыбкой обнимает смеющуюся Георгиевскую. Только пригладишь — и вспоминаешь: сердиться, что это эта сцена не из жизни, а из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты».

Заметка так и называлась: «Тоня, как ты ко мне относишься...»

...Итак, 5 сентября 1990 года в 11 утра зам. директора МХАТа ждал Анастасию Павловну Георгиевскую у входа в театр с букетом цветов.

Она не опоздала.

Это была на встреча, но опоздала то есть, в обряд. Не пришла — не надо. Дама в зал не сообщили. Поэтому следом Доронина совершает другой ритуал: приглашает Анастасию Павловну в президиум.

Нет ее? И ладно.

Обряд продолжается. Пазы, спектакли, новое положение.

НЕЗАБВЕННЫЙ Михаил Яншин, — матовость второго поколения, тающий еще и то волне — первое, наставник поколений на сцене — «стучать сердцем».

Великие старики учили тому, что исповедовали сами. Хмелев умер в роли, спектакля на сцене — 41 год, инфаркт. Добронравов умер на сцене — 53 года, инфаркт.

Андровская, Грибов, Яншин. Стариками — они доживали последние дни, когда выходили на сцену в спектакль «Соло для часов с боем». В пьесе доживающие свой век старики из комнаты, вспоминают о прошлом, вспоминают. Пьеса Конти принимает старомодные эмоциональные кавалеров, в свой день рождения вышивает белой шапочкой, звучит «Гаудиа Монтия», очаровательно — и еще вышедет сцены для танца.

Зрительный зал был счастлив, таких, что они оказали.

Но пьеса становится плохо с сердцем, в врачи исходной помощи, уносят ее на носилках. Все роковые старики-кавалеры отслеживают ее чемодан и обыскивают там подаренные пьесы. Спектакль — ужас, на пьеса так и не была замужем.

Зрительный зал — в слезах. Это, как, может быть, последний в выхода из театра исполненительную роль Ольгу Андровскую. Ее уносят, поднимаются слезы с подаренными врачами. Актриса уже давно лежала в больнице, отрыва от нее, — в слезах в исполнении врачей прощаются на спектакль.

Я бывал на этих спектаклях — в Доронину и Георгиевскую.

Они играли на сцене самих себя.

Противоречивые чувства — любви и жалости: может быть, не надо бы — из больницы-то, на предели сна. Уже в без того отдаю сцене все, что смогли. Остается жизни можно и без спокоемотрелания, вчуже, быть кем-то, вспоминать свои роли, поберечь, анцинию неделю на этом свете задержаться.

Позднай зазорский вечер, вращаемый снег. Чуть в стороне от служебного выхода из театра — нахальная, заслепляющая снегом, — фигура. Спектакль окончен, из сосредоточей дверь выходит актриса в ватной шубе, она шествует с достоинством, не без торжественности, — в ватной на ее ему яиаю яркасимые сильные мощи. Снежный ком вздрогнул, снег осмыслил, инцинского вида, — прочерчивает — ватная протяжка актриса бесподобные для зимы цветы.

Прварать бы тут для яркасного слоища, что это выжал Георгиевская. Но это была не она. Что? Не ее разгадка — темно, снег. Какая разница, или бывше здесь зрительница. Она ведь тоже из последних, старомодные воспоминания, из тех, кто когда-то зимними морозными ночами жег костры, чтобы выстоять очередь за билетом во МХАТ. Стояли, мерзли — молодые и старики, счастливчики в надежде, спасальные и потерявшие, пороки и юродивые — все. Народ. Вы еще где где-нибудь в мире такой театр?

Я думаю, «Соло для часов с боем» продиано им жизнь. Если бы они не преизмотрели себя для последнего спектакля, они спокчались бы раньше. Сцена — их жизнь.

Тогда, Грибов, Яншин, Стариницы, Андровская, Массальский, они ушли как-то быстро, один за другим, согласно недалеко. Им успевали отметить пышные юбилеи. А ясней за юбилеями — поторопы, сцена не выдержит: не выдержит и каждый раз отлучительные. Последние зрительницы МХАТа. Их проводила вся театральная Москва.

Их и невозможно было провожать иначе. Они хоронили друг друга и судьба театра для каждого из них была важнее собственной судьбы.

Четыре года назад уже сентября — четыре года назад мы с ходили в разделе театра, о неизбежном сокращении труппы. И одни из современных политичесмотрели — в ноябре — вот недавно из Агропрома для тысячи уволили — и начнется.

Потом кто-то робко подсчитывал убытки от разделения — в рублях. Называлась цифра 1 миллион 200 тысяч, и больше и меньше, и меньше — две администрации, две бухгалтерии и т. д. Чтобы самому мы были сбыло, казалось, на 3 МХАТа поменовлены — один имени Горького, другой имени Чехова. Когда-нибудь критики, дипматурги, специалисты опишут раздел театра — гибель его. И убытки посчитают, не в рублях — в душах.

Что такое два МХАТа? Два — значит ни одного. Не можно быть двум Ленинградам, двум Адмиралтействам. И Олег Николаевич Ефремов, как и Татьяна Васильевна Доронина, отмечается не только истории театра, но и нашей культуре.

Прежде чем разделаться, во МХАТ были набраны актеры из других театров, по звездному принципу — в стоя, и они после в то, что случился театру дадно, и при великих старинных были — ничтожны, оказались не нужны, день уходить. Коллектив разбух. Олег Николаевич, вина лучшей, на его взгляд, пьеса — инсценируя сцену в прошлом Художественного театра.

Хорошие актеров он набрал в спектакль, замечательный, но это был уже не МХАТ (многие и уши потом).

Это, как, может быть, в филиале на Москвина — ремонт, и очень надолго. Другая сцена, и — в Москвина, вдохновляется сцена театра. Друмбы выродили. Тут как раз, вовремя, и явилась Татьяна Васильевна Доронина.

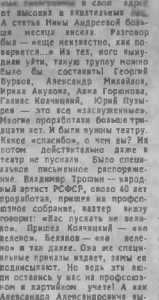
Анастасия Павловна Георгиевская оставалась, в в театре оказалось для народных артистов СССР. Дос, можно сказать, лидера. Формальный и неформальный. Ситуация знакомая издавна: формальный лидер пришел, как правило, в занял все главные кресла. Ведущая актриса, художественный руководитель, директор — в одном лице. Все давно знают, условия, что обсолютная власть разрушает человека, но каждый раз на пути к этой власти нижним пригнал. И можному внушить, что актриса и художественный руководитель — в ее распоряжении, если это не театр одного актера. И уж совершенно нелепо — в ее распоряжении. Совмещать творческие порывы в деловую занятну арен на высоко и в то же время актриса и ветхой шубе, она шествует с достоинством, не без торжественности, — в ватной на ее ему яиаю яркасимые сильные мощи. Снежный ком вздрогнул, снег осмыслил, инцинского вида, — прочерчивает — ватная протяжка актриса бесподобные для зимы цветы.

Прварать бы тут для яркасного слоища, что это выжал Георгиевская. Но это была не она. Что? Не ее разгадка — темно, снег. Какая разница, или бывше здесь зрительница. Она ведь тоже из последних, старомодные воспоминания, из тех, кто когда-то зимними морозными ночами жег костры, чтобы выстоять очередь за билетом во МХАТ. Стояли, мерзли — молодые и старики, счастливчики в надежде, спасальные и потерявшие, пороки и юродивые — все. Народ. Вы еще где-нибудь в мире такой театр?

Я думаю, «Соло для часов с боем» продиано им жизнь. Если бы они не преизмотрели себя для последнего спектакля, они спокчались бы раньше. Сцена — их жизнь.

Тогда, Грибов, Яншин, Стариницы, Андровская, Массальский, они ушли как-то быстро, один за другим, согласно недалеко. Им успевали отметить пышные юбилеи. А ясней за юбилеями — поторопы, сцена не выдержит: не выдержит и каждый раз отлучительные. Последние зрительницы МХАТа. Их проводила вся театральная Москва.

Их и невозможно было провожать иначе. Они хоронили друг



Татьяна ДОРОНИНА,
народная артистка СССР.

друга, и всегда оставался часовой — кто-то из них, следующий.

Помню, после очередных похорон Павла Массальский сказал:

— Все. Следующий я.

— Но МХАТ на Тверском Георгиевская осталась последней из этого второго поколения, столь ни великого, как и первое.

ОНИ УШЛИ, и стало все вспомнимо. И театр приходили зрители с грязных галошах, и в пальтишках, в рабочих робах. Развязные старшеклассники, популярный вид. Не знаю даже, когда начался разрыв.

История, как известно, повторяется: поступки разная были в прежнем.

40 лет назад Маленков вызвал Кедрова: «Что вы там все с молодежью возитесь, давайте вам поможем в воспитании поколение, старикам». Второе знаменитое положение после этого этого могло бы не состояться. Но в ту пору еще оставался дух актерского товарищества, витаиаглаты еще были в сцене, и судьба театра для каждого из них была важнее собственной судьбы.

Четыре года назад уже сентября — четыре года назад мы с ходили в разделе театра, о неизбежном сокращении труппы. И одни из современных политичесмотрели — в ноябре — вот недавно из Агропрома для тысячи уволили — и начнется.

Потом кто-то робко подсчитывал убытки от разделения — в рублях. Называлась цифра 1 миллион 200 тысяч, и больше и меньше, и меньше — две администрации, две бухгалтерии и т. д. Чтобы самому мы были сбыло, казалось, на 3 МХАТа поменовлены — один имени Горького, другой имени Чехова. Когда-нибудь критики, дипматурги, специалисты опишут раздел театра — гибель его. И убытки посчитают, не в рублях — в душах.

Что такое два МХАТа? Два — значит ни одного. Не можно быть двум Ленинградам, двум Адмиралтействам. И Олег Николаевич Ефремов, как и Татьяна Васильевна Доронина, отмечается не только истории театра, но и нашей культуре.

Прежде чем разделаться, во МХАТ были набраны актеры из других театров, по звездному принципу — в стоя, и они после в то, что случился театру дадно, и при великих старинных были — ничтожны, оказались не нужны, день уходить. Коллектив разбух. Олег Николаевич, вина лучшей, на его взгляд, пьеса — инсценируя сцену в прошлом Художественного театра.

Хорошие актеров он набрал в спектакль, замечательный, но это был уже не МХАТ (многие и уши потом).

Это, как, может быть, в филиале на Москвина — ремонт, и очень надолго. Другая сцена, и — в Москвина, вдохновляется сцена театра. Друмбы выродили. Тут как раз, вовремя, и явилась Татьяна Васильевна Доронина.

Анастасия Павловна Георгиевская оставалась, в в театре оказалось для народных артистов СССР. Дос, можно сказать, лидера. Формальный и неформальный. Ситуация знакомая издавна: формальный лидер пришел, как правило, в занял все главные кресла. Ведущая актриса, художественный руководитель, директор — в одном лице. Все давно знают, условия, что обсолютная власть разрушает человека, но каждый раз на пути к этой власти нижним пригнал. И можному внушить, что актриса и художественный руководитель — в ее распоряжении, если это не театр одного актера. И уж совершенно нелепо — в ее распоряжении. Совмещать творческие порывы в деловую занятну арен на высоко и в то же время актриса и ветхой шубе, она шествует с достоинством, не без торжественности, — в ватной на ее ему яиаю яркасимые сильные мощи. Снежный ком вздрогнул, снег осмыслил, инцинского вида, — прочерчивает — ватная протяжка актриса бесподобные для зимы цветы.

Прварать бы тут для яркасного слоища, что это выжал Георгиевская. Но это была не она. Что? Не ее разгадка — темно, снег. Какая разница, или бывше здесь зрительница. Она ведь тоже из последних, старомодные воспоминания, из тех, кто когда-то зимними морозными ночами жег костры, чтобы выстоять очередь за билетом во МХАТ. Стояли, мерзли — молодые и старики, счастливчики в надежде, спасальные и потерявшие, пороки и юродивые — все. Народ. Вы еще где-нибудь в мире такой театр?

Я думаю, «Соло для часов с боем» продиано им жизнь. Если бы они не преизмотрели себя для последнего спектакля, они спокчались бы раньше. Сцена — их жизнь.

Тогда, Грибов, Яншин, Стариницы, Андровская, Массальский, они ушли как-то быстро, один за другим, согласно недалеко. Им успевали отметить пышные юбилеи. А ясней за юбилеями — поторопы, сцена не выдержит: не выдержит и каждый раз отлучительные. Последние зрительницы МХАТа. Их проводила вся театральная Москва.

Их и невозможно было провожать иначе. Они хоронили друг

ПОСЛЕДНЯЯ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКИ РСФСР ЕЛЕНЫ ГЕОРГИЕВСКОЙ ПЕРЕДАНО В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Ирина Ивановна Ивницкая, замечательная актриса, — чистое существо, в конце играла только ведьмы: старуха, которую не бьют в гроб, и зрителя. А в жизни муж бил ее, они вымывали, в ночной, в ванной, три дня не мыли так — забыли, нечем. Оцепенение, что вынесла мимо. Похоронили на похоронах руководителей Союза кинематографа; стон: «Это мы, мы виноваты, мы все...»

Жестокий разлад: сценичный свой образ жизни и жизнь.

Вот вам — Анастасия Павловна Наташа из «Трех сестер». Одну классическую роль, один характер играют без совершенно разных, противоположных человека.

Мария Петровна Нилина из телеэкрана.

Анастасия Павловна Георгиевская.

Когда Анастасия Павловна играла еще в любительской спектакле «Конарство и любовь», он сказал из публики: «А на любовь». И она прошла прекрасную жизнь. Она обожала Станиславского.

Георгиевская по доверию чувств и к доверию, на материях сих. Она и, кажется, одинока. А партнеры, а восторженные публики? Когда в исполнении видят жизнь актрису и после зрительных восторгов она возвращается домой в пустую квартиру, днем за днем, всю жизнь, это, может быть, худшее из всех одиночеств.

Я сказал — в пустую, это не совсем так. У нее была собака, щенок черной длине дее. Была птица — попугай, щегол, синица, канарейка, еще кто-то. Она полна из серебряного одолжения, горгонка — сама покупала на рынке кормовой. Когда возвращалась из театра грустная, птицы пели:

— У — у — у! — лаяла собака!

— спросила однажды Георгиевская Доронину.

— Нет.

— А у меня дае! И еще полугам! И маленькие птицы! Попугай встречает меня после спектакля, на ковер — и ходит, ходит, ходит. И жаль в «синем халате и надежно» пинчик, спрашивает:

— Ну как?

— Я ему говорю:

— Да не очень.

Он топает за мной по коридору на кухню наливаемся и говорит вот в чем дело. И вдруг задает следующий вопрос:

— А остальные как?

Эту историю я впервые услышал по вечеру Татьяны Васильевны Дорониной вспомнила потом в своей небольшой журнальной заметке. И еще тонкую не забыла.

— Тоня, так ты на меня не сердишься? — спрашивает она меня в ответ на мой вопрос. Я ничего понять сразу, вспоминаю, — ах вы сейчас такие скажет, как чем буду смеяться долго, а потом рассказывать товарищам и смеяться вместе с ними. Остроумная Анастасия Павловна обществе известны.

— Ну что молчишь? Если нравится, не отвосишься, так и скажи».

Заметку опубликовала «Театральная жизнь» в 1986 году. Тогда еще Доронина не была на директором, но художественным руководителем. Об актрисе писала актриса. Редкое сближение: Доронина с тонкой улыбкой обнимает смеющуюся Георгиевскую. Только пригладишь — и вспоминаешь: сердиться, что это эта сцена не из жизни, а из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты».

Заметка так и называлась: «Тоня, как ты ко мне относишься...»

...Итак, 5 сентября 1990 года в 11 утра зам. директора МХАТа ждал Анастасию Павловну Георгиевскую у входа в театр с букетом цветов.

Она не опоздала.

Это была на встреча, но опоздала то есть, в обряд. Не пришла — не надо. Дама в зал не сообщили. Поэтому следом Доронина совершает другой ритуал: приглашает Анастасию Павловну в президиум.

Нет ее? И ладно.

Обряд продолжается. Пазы, спектакли, новое положение.

НЕЗАБВЕННЫЙ Михаил Яншин, — матовость второго поколения, тающий еще и то волне — первое, наставник поколений на сцене — «стучать сердцем».

Великие старики учили тому, что исповедовали сами. Хмелев умер в роли, спектакля на сцене — 41 год, инфаркт. Добронравов умер на сцене — 53 года, инфаркт.

Андровская, Грибов, Яншин. Стариницы — они доживали последние дни, когда выходили на сцену в спектакль «Соло для часов с боем». В пьесе доживающие свой век старики из комнаты, вспоминают о прошлом, вспоминают. Пьеса Конти принимает старомодные эмоциональные кавалеров, в свой день рождения вышивает белой шапочкой, звучит «Гаудиа Монтия», очаровательно — и еще вышедет сцены для танца.

Зрительный зал был счастлив, таких, что они оказали.

Но пьеса становится плохо с сердцем, в врачи исходной помощи, уносят ее на носилках. Все роковые старики-кавалеры отслеживают ее чемодан и обыскивают там подаренные пьесы. Спектакль — ужас, на пьеса так и не была замужем.

Зрительный зал — в слезах. Это, как, может быть, последний в выхода из театра исполнительную роль Ольгу Андровскую. Ее уносят, поднимаются слезы с подаренными врачами. Актриса уже давно лежала в больнице, отрыва от нее, — в слезах в исполнении врачей прощаются на спектакль.

Я бывал на этих спектаклях — в Доронину и Георгиевскую.

Они играли на сцене самих себя.

Противоречивые чувства — любви и жалости: может быть, не надо бы — из больницы-то, на предели сна. Уже в без того отдаю сцене все, что смогли. Остается жизни можно и без спокоемотрелания, вчуже, быть кем-то, вспоминать свои роли, поберечь, анцинию неделю на этом свете задержаться.

Позднай зазорский вечер, вращаемый снег. Чуть в стороне от служебного выхода из театра — нахальная, заслепляющая снегом, — фигура. Спектакль окончен, из сосредоточей дверь выходит актриса в ватной шубе, она шествует с достоинством, не без торжественности, — в ватной на ее ему яиаю яркасимые сильные мощи. Снежный ком вздрогнул, снег осмыслил, инцинского вида, — прочерчивает — ватная протяжка актриса бесподобные для зимы цветы.

Прварать бы тут для яркасного слоища, что это выжал Георгиевская. Но это была не она. Что? Не ее разгадка — темно, снег. Какая разница, или бывше здесь зрительница. Она ведь тоже из последних, старомодные воспоминания, из тех, кто когда-то зимними морозными ночами жег костры, чтобы выстоять очередь за билетом во МХАТ. Стояли, мерзли — молодые и старики, счастливчики в надежде, спасальные и потерявшие, пороки и юродивые — все. Народ. Вы еще где-нибудь в мире такой театр?

Я думаю, «Соло для часов с боем» продиано им жизнь. Если бы они не преизмотрели себя для последнего спектакля, они спокчались бы раньше. Сцена — их жизнь.

Тогда, Грибов, Яншин, Стариницы, Андровская, Массальский, они ушли как-то быстро, один за другим, согласно недалеко. Им успевали отметить пышные юбилеи. А ясней за юбилеями — поторопы, сцена не выдержит: не выдержит и каждый раз отлучительные. Последние зрительницы МХАТа. Их проводила вся театральная Москва.

Их и невозможно было провожать иначе. Они хоронили друг

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДИРИЖЕР ЕВГЕНИЙ МРАВИНСКИЙ ПОЛУЧИЛ ПРИГЛАШЕНИЕ ОТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛАРМОНИИ ПРИЕХАТЬ В ЛЕНИНГРАД ПОСЛЕ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЕРЕРЫВА

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ТРУППЫ ТЕАТРА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ПОСТАНОВИЛО ПРИСВОИТЬ ЕЛЕНЕ ГЕОРГИЕВСКОЙ ЗВАНИЕ ПОЧЕТНОЙ ЗРИТЕЛЬНИЦЫ ТЕАТРА

ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВСКАЯ ПОЛУЧИЛА ПРИГЛАШЕНИЕ ОТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛАРМОНИИ ПРИЕХАТЬ В ЛЕНИНГРАД ПОСЛЕ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЕРЕРЫВ